

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-38-53

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В 1930–1950-Х ГГ.

Куренкова Е. А.^{*}, Бруз В. В., Фукс А. Н.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

^{} Корреспондирующий автор, e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru*

Поступила в редакцию 05.09.2025

После доработки 20.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Аннотация

Цель. Выявление историографической ситуации в Московском областном педагогическом институте в 1930-е – начале 1950-х гг. на основании анализа персоналий историков, представлявших вуз, и их научного творчества.

Процедура и методы. Проведён анализ архивных документов, в т. ч. ранее неопубликованных, из фондов Государственного университета просвещения, изучены научные публикации, лекционные материалы и воспоминания преподавателей и выпускников Московского областного педагогического института, что позволило реконструировать историографическую ситуацию и выявить ключевые методологические подходы, сформировавшиеся на историческом факультете в 1930-е – начале 1950-х гг.

Результаты. Выделены ключевые направления исторической школы Московского областного педагогического института 1930–1950-х гг., включающие государственно-патриотическое, универсалистско-гуманистическое и синтетическое направления, каждое из которых отражает специфику идеологических и методологических трансформаций советской историографии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий образовательной политики в Российской Федерации, направленных на развитие патриотического воспитания и цивилизационного подхода в историческом образовании, с опорой на традиции научной школы Московского областного педагогического института.

Ключевые слова: историография, патриотизм, МОПИ, советская наука, методология, государственность

Благодарности. Работа подготовлена в рамках реализации грантового научно-исследовательского проекта Государственного университета просвещения на 2025 год по теме: «История Государственного университета просвещения» (утв. приказом № ПР-1219 от 07.07.2025).

Для цитирования:

Куренкова Е. А., Бруз В. В., Фукс А. Н. Формирование исторической школы московского областного педагогического института в 1930–1950-х гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 4. С. 38–53.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-38-53

Original research article

FORMATION OF THE HISTORICAL SCHOOL OF THE MOSCOW REGIONAL PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE 1930S TO 1950S

E. Kurenkova*, V. Bruz, A. Fuks

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru

Received by the editorial office 05.09.2025

Revised by the author 20.09.2025

Accepted for publication 30.09.2025

Abstract

Aim. To identify the historiographical situation at the Moscow Regional Pedagogical Institute in the 1930s – early 1950s based on an analysis of the personalities of historians representing the institution and their scholarly contributions.

Methodology. The study involved an analysis of archival documents, including previously unpublished materials from the funds of the State University of Education, as well as an examination of scientific publications, lecture materials, and memoirs of faculty and graduates of the Moscow Regional Pedagogical Institute, which enabled the reconstruction of the historiographical context and identification of key methodological approaches formed at the history faculty during the 1930s – early 1950s.

Results. The conducted analysis revealed the key directions of the historical school at the Moscow Regional Pedagogical Institute in the 1930s–1950s, encompassing state-patriotic, universalist-humanistic, and synthetic orientations, each reflecting the specifics of ideological and methodological transformations in Soviet historiography.

Research implications. The research findings can be applied in developing strategies for educational policy in the Russian Federation aimed at advancing patriotic education and a civilizational approach in historical education, drawing on the traditions of the scholarly school of the Moscow Regional Pedagogical Institute.

Keywords: historiography, patriotism, MRPI, Soviet science, methodology, statehood.

Acknowledgments. The work was prepared as part of the implementation of a grant research project of the State University of Education for 2025 on the topic: "History of the State University of Education" (approved Order no. PR-1219 dated 07.07.2025).

For citation:

Kurenkova, E. A., Bruz, V. V. & Fuks, A. N. (2025). Formation of the historical school of the Moscow Regional Pedagogical Institute in the 1930s to 1950s. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 4, 38–53

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-38-53

Введение

Современный общественный запрос на суверенную историю и патриотическое освещение прошлого возвращает исследователей к проблематике становления советской исторической науки.

Речь идёт не только о пересборке фактографического канона, но и о переоценке методологических оснований. Тогда, как и теперь, сталкивались позиции, которые можно условно определить как советско-центричный и универсалистский подхо-

ды. Концепт построения социализма в отдельно взятой стране неизбежно приводил к размежеванию внутри исходно единого марксистского дискурса [1; 2].

Оптимальной оптикой предпринимаемого анализа может послужить история факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения (ранее – Московского областного педагогического института, МОПИ).

Фокус на вузовской истории в контексте развития советской историографии в целом позволяет конкретизировать, с одной стороны, общие процессы развития советской исторической науки, с другой стороны, анализ в контексте общей эволюции советской историографии даёт возможность проследить генезис конкретной научной школы – факультета истории, политологии и права вуза, определить её внутренние методологические ориентиры, тематические акценты и ценностную основу.

Особое значение приобретает осмысление истоков патриотической традиции университета. Именно она, сформировавшись в первые десятилетия его существования, стала системообразующим основанием научной и воспитательной миссии вуза.

Целью исследования является выявление историографической ситуации в Московском областном педагогическом институте в 1930-е – начале 1950-х гг. на основании анализа персоналий историков, представлявших вуз, и их научного творчества.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1931 по 1953 г. Нижняя хронологическая граница связана с годом основания института, что позволяет рассматривать процесс формирования научных кадров и учебных программ в их начальной фазе. Верхняя граница определяется 1953 г. – временем смерти И. В. Сталина и последовавшими административными изменениями в вузе, отражающими более широкий политический поворот.

Выбранные рамки включают ключевые этапы развития советской историографии: пересмотр позиций «школы М. Н. Покровского» в начале 1930-х гг., военный период, характеризовавшийся усилением патриотической проблематики и участием исторической науки в идеологическом обеспечении фронта, а также послевоенные годы, отмеченные кампанией борьбы с космополитизмом. Эти процессы в той или иной степени проявились и в жизни МОПИ, определяя характер преподавания и направленность научных исследований.

Нижняя хронологическая граница исследования соотносится не только с годом основания института, но и с завершением так называемого «академического дела» (1931 г.), ставшего исходной точкой сложившейся ситуации в советской исторической науки. В идейном плане исходная ситуация характеризовалась господством школы М. Н. Покровского, историка, активно работавшего и занимавшего ведущие позиции в Академии наук и системе Наркомпроса. «Академическое дело» сопровождалось разгромом дореволюционной академической историографии и закреплением покровской интерпретации истории, основанной на универсалистском экономическом детерминизме и отрицании государственной линии в развитии России.

Верхняя хронологическая граница исследования определяется не только смертью И. В. Сталина, но и последовавшими за ней изменениями в руководстве института. Именно 1953 г. стал рубежом не только общегосударственного, но и внутривузовского поворота. Приказом министра просвещения СССР от 20 апреля 1953 г. директор Ф. Х. Власов был освобождён от должности, а новым руководителем днём позже назначен Г. В. Стороженко. Совпадение этих событий по времени со сменой высшего партийного руководства страны позволяет рассматривать их в едином политическом контексте.

Ранний «поворот к истории» и первенство исторического факультета МОПИ

Начало 1930-х гг. стало временем возвращения истории в статус самостоятельной учебной дисциплины и научной области, что знаменовало существенный поворот в советской гуманитарной политике. После десятилетия, когда историческая наука существовала преимущественно как часть социологического или экономического дискурса, начинается институциональное восстановление исторического знания. В этот период государство осознаёт необходимость обращения к национально-историческому опыту как к инструменту воспитания гражданственности и патриотизма.

Ключевым общесоюзным рубежом стал выход постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», утвердившего возврат истории как самостоятельного предмета в систему образования. Именно с этого момента исторические факультеты были официально восстановлены в Московском и Ленинградском университетах¹. Однако Московский областной педагогический институт опередил это движение. Исторический факультет здесь фактически начал работу уже к 1932 г., то есть за 2 года до общегосударственного решения.

Это обстоятельство придаёт историографическому опыту МОПИ особое значение. Факультет стал не только первой площадкой институционального возрождения исторического образования, но и своеобразной лабораторией методических и содержательных поисков, где на практике отрабатывались принципы преподавания истории в новых идеологических условиях. Первенство факультета обеспечило приток высокопрофессиональных кадров – историков, филологов,

археологов и педагогов, представлявших как старшее академическое поколение, так и молодых исследователей, формировавших новую советскую школу.

Ранний «поворот к истории» в рамках МОПИ происходил в контексте общего идейного сдвига, связанного с постепенным отходом от господства школы М. Н. Покровского. Её интерпретация исторического процесса как исключительно классовой борьбы и отрицание роли государства начали восприниматься как методологически односторонние и политически уязвимые. В середине 1930-х гг. утверждается иная установка: понимание истории как формы национального опыта, как процесса становления и защиты государства. МОПИ этот поворот уловил одним из первых. Именно здесь начали формироваться новые учебные программы, где внимание к социально-экономическим факторам было с акцентом на государственно-патриотическую проблематику, а в методологическом отношении утверждался синтез марксистской интерпретации с историко-источниковедческой культурой дореволюционной науки.

Таким образом, исторический факультет МОПИ не только опередил университетские центры в формальном возрождении исторического образования, но и стал ядром становления новой советской историографической парадигмы. Его первенство способствовало концентрации научного потенциала и превращению факультета в средоточие высокопрофессиональных кадров, чья деятельность заложила основы последующего развития отечественной исторической школы.

Николай Леонидович Рубинштейн

Одна из главных ролей в переосмыслении подходов школы М. Н. Покровского принадлежала Николаю Леонидовичу Рубинштейну, работавшего в МОПИ заведующим кафедрой истории народов СССР, а позднее – истории СССР. Пере-

¹ Постановление «О преподавании гражданской истории в СССР» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Q3Wfd> (дата обращения: 01.09.2025).

именование кафедры само по себе отражало идеологическую эволюцию эпохи, фиксировавшим переход к государственному видению исторического процесса. Именно на истфаке МОПИ под руководством Рубинштейна началось формирование иной исследовательской и учебной логики – от отрицания государственности как «надстройки» к осмыслению государства как исторического явления и формы народного бытия.

Основным инструментом этого методологического поворота стал курс и последующий учебник Рубинштейна «Русская историография», первое издание которого было подготовлено в конце 1930-х гг., а опубликовано в 1941 г. и затем неоднократно переиздавалось. Книга, возникшая из педагогических курсов, читавшихся в т. ч. студентам МОПИ, положила начало формированию национальной школы историографического анализа. В ней впервые в советской литературе системно рассматривалось развитие русской исторической мысли от Татищева и Карамзина до Соловьёва и Ключевского.

Методологически это означало отказ от классового неприятия дореволюционных историков и признание их вклада в развитие науки. Такой подход шёл вразрез с традицией «школы Покровского», считавшей предоктябрьскую историографию идеологически враждебной. Рубинштейн, напротив, утверждал, что понимание советской историографии невозможно без учёта её генетической связи с классической русской исторической школой [3].

Идейный акцент в научных обсуждениях факультета сместился к тезису о государственности как позитивному фактору организации общества, а патриотическая направленность трактовки истории получила научное обоснование. Рубинштейн настаивал, что реабилитация национальных героев, исследование роли централизованной власти, изучение духовных форм народной жизни не противоречат марксизму, а раскрыва-

ют историческую действительность в её полноте. Обсуждались доклады и программы, направленные против «антигосударственнических» интерпретаций. Именно в МОПИ под научным руководством Рубинштейна в середине 1930-х гг. впервые публично прозвучала критика «исторического схематизма» школы Покровского – за недооценку политических и культурных факторов, за разрушение хронологической и персональной логики истории. Первоначально такая критика шла в рамках решения задач подготовки учителей [4].

Особое значение имел пересмотр понятия формации применительно к древнерусскому периоду. Споря с находившимся тогда в академическом фаворе Б. Д. Грековым, ведущей фигурой в исследованиях древнерусского периода, Рубинштейн отрицал существование в Древней Руси законченной феодальной формации. В его интерпретации централизация государства объяснялась не развитием буржуазных отношений, как предписывал ортодоксальный марксизм, а задачами консолидации общества перед внешними угрозами¹. История в таком понимании возвращала себе политико-психологическое и культурное измерение, а не сводилась исключительно к движению производительных сил.

Борис Александрович Рыбаков

Ранний приход истории в МОПИ сделал факультет естественной опорной площадкой для появления новой парадигмы древнерусской истории, и именно здесь лекции Бориса Александровича Рыбакова, будущего Героя Социалистического Труда, легли на запрос 1930–1940-х гг. на государственно-патриотический нарратив. В центре его работ этого времени – тезисы, которые стали «каркасом» послевоенной школьной и вузовской схемы: автохтонность восточных славян, высокая ремесленная и

¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. 659 с.

городская культура домонгольской Руси, самостоятельность её государствогенеза (антинорманистская линия), усиление южнорусского (киевского) ядра как политического и культурного центра. Эти акценты институционально совпали с общесоюзным «поворотом к истории» и закреплением патриотической интерпретации прошлого.

Ключевые публикации Рыбакова периода его работы в МОПИ демонстрируют как археология стала источниковой базой переинтерпретации раннесредневековой Руси. Программная монография «Ремесло Древней Руси» (защищена как докторская диссертация в эвакуации, издана отдельным томом в 1948 г.) показала высокую степень специализации ремёсел и развитость городской экономики и была отмечена Государственной (Сталинской) премией I степени за 1949 г.¹ Послевоенная работа «Древности Чернигова» (1949) выросла из деятельности учёного в составе Чрезвычайной государственной комиссии по фиксации ущерба памятникам и одновременно стала образцом «археологизированной» локальной истории древнерусского центра. Полевые наблюдения и публикация комплексов позволили реконструировать планировку, погребальные практики и художественные ремёсла Чернигова домонгольской поры, поддерживав тезис о культурной «великой Руси» допетровского времени².

Ряд статей Рыбакова конца 1930-х – начала 1950-х гг. усиливали те же линии. Исследование административной организации Новгорода («Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке», 1938) вписало археологические и письменные данные в модель развитой городской общины и её институтов, что работало против схем об «архаичности» Руси в срав-

нении с Западом³. Очерк «Уличи (Историко-географические заметки)» (1950) уточнил ареал и политическую динамику южнорусских племён, поддерживав представление о южном ядре ранней Руси и тем самым о «киевской» оси государствогенеза⁴. Наконец, программная статья «Проблемы образования древнерусской народности» (1952) артикулировала консенсусную к началу 1950-х позицию о складывании единой древнерусской народности в раннегосударственный период, прямо соотнося научные выводы с задачами патриотического просвещения и единства исторической памяти⁵.

Методически этот корпус работ укрепил «археологическую коррекцию» марксистской формационной схемы применительно к Древней Руси: конкретный вещественный материал (ремесло, топография, погребальные комплексы, эпиграфика) поднимался на уровень объяснительных моделей, где фактор внешней угрозы, политической централизации и культурной консолидации оказывался не менее значим, чем экономико-редукционистские интерпретации. В публичных и учебных текстах Рыбакова (включая университетские курсы) это вылилось в устойчивую анти-норманистскую аргументацию, подчёркивающую автохтонность и «высокий старт» древнерусской цивилизации; именно такая линия в 1940-е – начале 1950-х гг. получила статус «официальной» в массовом историческом образовании.

Практически в МОПИ это означало 2 следствия. Во-первых, регулярное «подкрепление» лекций музейно-полевой базой – экскурсии в фонды, археологические практики, участие студен-

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.

² Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА по археологии древнерусских городов. 1949. № 11. Т. 1. С. 7–102.

³ Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // Исторические записки. Т. 2. М., 1938. С. 132–152.

⁴ Рыбаков Б. А. Уличи (Историко-географические заметки) // КСИИМК. Вып. XXXV. М.-Л., 1950. С. 3–17.

⁵ Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталин // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 40–62.

тов в публикации материалов, что стало устойчивой традицией факультета уже с довоенных лет и было продолжено после возвращения института из эвакуации. Во-вторых, включение археологических и историко-географических сюжетов (Новгород, Киев, южнорусские земли) в учебные планы как «сквозных» тем патриотической истории – от топографии и ремесла к вопросам государственного генезиса и этнокультурной консолидации¹.

Итогом стало то, что истфак МОПИ в 1930-е – начале 1950-х гг. выступил не только ранним институциональным «полигоном» восстановления гражданской истории, но и площадкой, где археологически насыщенный, государственно-патриотический нарратив древнерусского прошлого приобретал учебно-методическую форму. Через «Ремесло Древней Руси», «Древности Чернигова», новгородские, южнорусские и этногенетические сюжеты Рыбаков обеспечил факультету роль одного из генераторов общесоюзной модели ранней русской истории.

Переосмысление древнерусского периода истории в ракурсе патриотического нарратива предполагало выдвижение и утверждение ряда концептуальных положений, с которыми соотносилось научное творчество Рыбакова. Его исследования стали интеллектуальным каркасом советской модели древнерусской истории, выстраивавшейся в 1930–1950-е гг. в русле государственной идеологии и гражданского воспитания.

Первое положение касалось утверждения автохтонности восточнославянского населения. В работах Рыбакова последовательно развивалась идея, что славяне не пришли на территорию Восточно-Европейской равнины извне – ни с юга, ни с запада, – а изначально являлись коренным населением этой земли. Эта позиция имела не только научное, но и политико-идеологическое значение: она отстаивала историческое право славянских народов

на собственную территорию и цивилизационную преемственность. Особенно остро этот тезис воспринимался на фоне идеологии «жизненного пространства» (*Lebensraum*), распространявшейся в нацистской Германии и оправдывавшей экспансию германских народов на восток². Рыбаковская аргументация, основанная на археологических, топонимических и лингвистических материалах, становилась своеобразным научным контраргументом западной пропаганде, придавая советской исторической науке стратегическое измерение.

Второе положение исследований Рыбакова заключалось в доказательстве высокой степени развития древнерусской культуры и социальной организации. Учёный стремился показать, что Русь не уступала Западной Европе ни по уровню ремесла, ни по искусству, ни по сложности общественных структур. По Рыбакову, упадок ремесла и урбанизма произошёл не вследствие внутреннего кризиса, а как прямое следствие монгольского нашествия, что вписывалось в государственно-патриотическую интерпретацию отечественной истории.

Высокая оценка древнерусского общества и культуры ложилась на идеологические установки конца 1940-х гг., направленные против «безродного космополитизма». Рыбаковская реконструкция древнерусского мира утверждала ценность национального, органически сложившегося пути, противопоставленного безродным универсалистским концепциям.

Третье положение касалось признания самостоятельности восточных славян в создании государственности. Рыбаков внёс значительный вклад в дальнейшее развитие идущей ещё от М. В. Ломоносова традиции критики норманнской те-

¹ Архив Государственного университета просвещения. Личное дело Рыбакова Бориса Александровича.

² Ефимов А. Вспоминая мамонтов. Исполнилось 110 лет со дня рождения историка Бориса Рыбакова [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2018/06/04/boris-rybakov> (дата обращения: 01.09.2025).

ории. В его трудах норманнское влияние рассматривалось не как определяющий, а как эпизодический фактор в процессе государствогенеза. Он обосновал версию, согласно которой название «Русь» происходит не от варяжского племени, а от южнорусской реки Рось. Эта интерпретация, закреплённая в школьных и университетских учебниках, стала нормативной для советской историографии.

Пётр Андреевич Зайончковский

Идейный перелом в советской историографии конца 1930-х гг. был во многом обозначен знаменитой критикой И. В. Сталиным позиции Ф. Энгельса относительно внешней политики царской России. В ряде своих работ Энгельс трактовал царизм как «жандарма Европы», рассматривая его исключительно в качестве силы реакции и угнетения. Сталин, напротив, подчёркивал государственно-патриотическую роль России в противостоянии западной агрессии и отстаивании геополитического равновесия. Этот поворот означал не просто частное исправление в оценках, а фундаментальное смещение исследовательского вектора от классово-антагонистической модели к признанию исторической миссии российского государства.

В этом новом идейном контексте особое место заняла деятельность Петра Андреевича Зайончковского – крупного исследователя военной и политической истории России XIX в. В 1940 г. он пришёл преподавать в Московский областной педагогический институт, где работал до 1941 г., а затем вновь в 1944–1948 гг. Его появление совпало с началом формирования в МОПИ самостоятельной школы преподавания русской истории, ориентированной на государственно-патриотическое осмысление прошлого.

Зайончковский принадлежал к поколению историков, пришедших в науку после кризиса преодоления подходов «школы Покровского» и утверждения новой методологии, стремившейся со-

единить источниковедческую строгость с государственно-ориентированной интерпретацией. Его лекции и научные работы по истории русской армии, реформ Александра II, Крымской войны и внешней политики середины XIX в. закладывали фундамент патриотической линии в преподавании истории России¹.

Он одним из первых отказался от редукционистского толкования имперского периода как исключительно реакционного. В трудах Зайончковского утверждалась идея преемственности исторического развития, в рамках которой реформы XIX в. рассматривались не как уступка «давлению снизу», а как органическая попытка модернизации государства. Армия, бюрократия, дипломатия понимались им как институты служения, выражавшие задачи укрепления российской государственности.

В интерпретации Крымской войны Зайончковский противопоставлял старой схеме «кризиса царизма» образ обороны Севастополя как символа народного героизма и национального единения. Этот подход был созвучен патриотическому подъёму военных лет и новым установкам советской историографии, ориентированной на преемственность исторической миссии России.

Характерной особенностью Зайончковского стало стремление показать XIX в. как время созидания, а не упадка. Он рассматривал самодержавие как форму политической интеграции общества, обеспечившую России сохранение целостности в эпоху внешних вызовов. Такой подход, соединявший историческую добросовестность и государственный взгляд, впоследствии определил направление его фундаментальных трудов – «Крымская война», «Военные реформы 1860–1870-х годов в России», «Самодержавие и русская армия».

¹ П. А. Зайончковский (1904–1983): статьи, публикации и воспоминания о нём. М.: РОССПЭН, 1998. 463 с.

Период работы П. А. Зайончковского в МОПИ стал важным этапом становления патриотической школы преподавания отечественной истории. Его деятельность закрепила в вузовской науке и педагогике государственно-ориентированный подход, при котором история России XIX в. рассматривалась как опыт укрепления национальной идентичности и ответственности за судьбу государства.

Владимир Михайлович Хвостов

В системе исторического образования Московского областного педагогического института направление всеобщей истории формировалось как составная часть общей исторической подготовки, отражавшая необходимость соотнесения отечественных процессов с общемировым развитием. Возрождение преподавания истории в начале 1930-х гг. требовало восстановления целостной картины прошлого, включавшей как внутренние, так и внешние факторы. Именно в этом контексте особую роль сыграла деятельность Владимира Михайловича Хвостова – одного из ведущих советских историков-международников довоенного и послевоенного поколений.

Хвостов принадлежал к кругу историков, в чьем лице формировалась советская школа дипломатической истории. Его работы рассматриваемого периода были направлены на анализ международных отношений в XIX – начале XX в., прежде всего внешней политики Германии, становления и кризиса системы союзов Бисмарка, динамики европейского баланса сил. Этот сюжет имел прямое методологическое значение для всего курса всеобщей истории, поскольку позволял рассматривать эволюцию Европы как контекст формирования мировой политики, в которой Россия выступала равноправным актором.

В период преподавания в МОПИ Хвостов выстраивал курс всеобщей истории не как хронологический перечень зарубежных событий, а как систему взаимо-

действий государств, где международная динамика объяснялась внутренними социально-политическими процессами. Он настаивал на том, что дипломатия, войны и альянсы не могут рассматриваться вне социально-экономических основ и классовых интересов. Тем самым в преподавании всеобщей истории в институте происходило сближение с тогдашними методологическими поисками исторического материализма, но без упрощенного редукционизма – с акцентом на реальную политику и конкретные формы международного взаимодействия.

Ключевые работы Хвостова – диссертация «Внешняя политика Германской империи в последние годы канцлерства Бисмарка» (1938 г.), а также опубликованные в последующие годы очерки по истории международных отношений конца XIX – начала XX в. – формировали в советской германистике новое направление. Они позволяли рассматривать германский империализм как системный источник агрессии, что в послевоенной интерпретации напрямую коррелировало с задачами воспитания исторической бдительности и патриотического сознания. В годы войны и сразу после неё Хвостов выступал также с популярными публикациями о германском милитаризме, раскрывая генетическую преемственность между политикой Бисмарка, Вильгельма II и Гитлера¹.

Для исторического факультета МОПИ деятельность Хвостова имела особое значение. С 1938 г. он возглавил на историческом факультете кафедру всеобщей истории. В отличие от школы Покровского с её экономическим детерминизмом, новая методологическая парадигма,

¹ Хвостов В. М. 40 лет борьбы за мир: Краткий очерк. М.: Госполитиздат, 1958. 160 с.; Хвостов В. М. Как германские империалисты однажды уже напобеждали до собственной гибели. Свердловск: Госполитиздат, 1942. 31 с.; Хвостов В. М. Как развивался германский империализм: (исторический очерк). М.: Госполитиздат, 1943. 56 с.; Хвостов В. М. Франко-русский союз и его историческое значение. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. 80 с.

формируемая под руководством Хвостова, связывала всеобщую историю с проблематикой национальных интересов, безопасности и идеологических противостояний. Таким образом, именно в годы работы Хвостова в институте направление всеобщей истории было соотносено с преподаванием истории СССР. Это благоприятно отразилось на выработке комплексного непротиворечивого подхода видения учителями мирового исторического процесса.

Альберт Захарович Манфред

Историографическая школа Московского областного педагогического института не отличалась методологической шаблонностью. Во все времена в вузе были историки, придерживавшиеся разных и даже диаметрально противоположных взглядов. Если Б. А. Рыбаков воплощал государственническое россиецентричное направление, подчёркивая автохтонность и самобытность отечественного исторического процесса, то Альберт Захарович Манфред формировал иную – универалистскую линию, исходившую из идеи всемирно-исторического единства человеческого развития.

Альберт Захарович Манфред пришёл в МОПИ в 1940 г., вскоре после освобождения из заключения. Для института это назначение было смелым и в каком-то смысле символическим шагом. Уже в первые годы работы он был назначен заведующим кафедрой Новой истории и одновременно деканом исторического факультета. В годы Великой Отечественной войны Манфред выступал с многочисленными просветительско-патриотическими лекциями перед студентами и местным населением, проводя исторические параллели между борьбой французского народа против наполеоновской агрессии и сопротивлением советского народа фашизму. Его лекции отличались образностью, богатством психологических характеристик и внутренней динамикой изложения, о чём свидетельствуют

воспоминания выпускников, в частности С. В. Оболенской¹.

Научная работа Манфреда в МОПИ пришлась на ключевой этап формирования его авторской концепции всемирно-исторического процесса. Именно в эти годы были заложены основы его дальнейших исследований, воплотившихся позже в докторской диссертации «Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871–1891 гг.)», защищённой в 1950 г. Уже в довоенный и военный периоды он подготовил и опубликовал серию работ, посвящённых истории Франции XIX в., Франко-прусской войне, Французской революции, франко-русскому союзу, в которых настойчиво развивал идею взаимосвязи мировых исторических процессов и роли народных движений в их формировании².

В методологическом отношении Манфред стремился соединить марксистскую историческую логику с культурно-гуманистическим анализом, акцентируя внимание на моральной стороне исторического прогресса. Россия, по его убеждению, была не периферией, а одним из центров всемирной истории, являясь в его версии – носителем универсальных ценностей освобождения и гуманизма.

Особенностью подхода Манфреда было внимание к роли личности в истории. Его метод – историко-психологический реализм – предполагал раскрытие внутреннего мира и духовной мотивации деятелей эпохи. В трактовках Руссо, Мирабо, Робеспьера, Наполеона, представленных в лекциях и ранних исследованиях, он показывал, как великие личности выражают коллективную волю

¹ Оболенская С. В. Два портрета. Воспоминания историка [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/o/obolenskaja_s_w/05.shtml (дата обращения: 01.09.2025).

² Манфред А. З. Конец капиталистической стабилизации и переход ко второму туру войн и революций. М.; Иваново: Партиздат, 1933. 24 с.; Манфред А. З. На пороге решающих столкновений: Обзор международного положения. Иваново: Парг. изд-во. Ивановское обл. отд., 1933. 26 с.

своего времени¹. Этот подход предвосхищал позднейшие биографо-психологические исследования и стал своеобразным противовесом безличной социологизированной схеме ранней советской историографии.

Таким образом, в научной и педагогической среде МОПИ 1940-х гг. формировался редкий для советской историографии плюрализм методологических стратегий. Наряду с государственно-патриотической школой Рыбакова здесь развивалась всемирно-историческая гуманистическая линия Манфреда. Различие их подходов не разрушало, а, напротив, усиливало интеллектуальную состоятельность факультета, позволив ему стать одной из ведущих площадок формирования новой исторической методологии советского времени.

Борис Фёдорович Поршнев

Период преподавания Бориса Фёдоровича Поршнева в Московском областном педагогическом институте (1935–1946 гг., с перерывом военных лет) стал временем формирования одной из самых оригинальных историографических концепций советской науки. В условиях общей идеологической регламентации Поршнев, оставаясь в рамках марксистской методологии, выстраивал собственное, существенно переосмысленное понимание исторического процесса. В советской исторической науке было лишь 2 мыслителя, не являвшихся диссидентами, но выдвинувших целостные альтернативные концепции развития человечества – Лев Николаевич Гумилёв и Борис Фёдорович Поршнев. Оба стремились преодолеть тенденцию тематической узости и создать макроисторические модели объ-

яснения социальных процессов: Гумилёв соединял историю с географией и этнологией, Поршнев – с психологией.

Работа в МОПИ оказала существенное влияние на формирование его мировоззрения. Подготовка будущих учителей истории требовала системного изложения исторического процесса, что способствовало выработке у Поршнева концептуального подхода к истории как к целостной теории развития общества, а не как к совокупности эмпирических фактов. Именно в стенах института он завершил и защитил докторскую диссертацию, а затем был выдвинут Учёным советом МОПИ на присвоение звания профессора. В 1940 г. институт официально ходатайствовал о выдвижении Поршнева на Сталинскую премию за монографию «Народные восстания во Франции в XVII веке» – труд, определивший его репутацию ведущего специалиста по социальной истории Франции раннего Нового времени².

Исследования Поршнева французской истории XVII в. представляли собой новаторское применение марксистской методологии. Он рассматривал французский абсолютизм не как вершину феодальной системы, а как ответную реакцию правящих классов на волну народных восстаний, в которых видел главный двигатель исторического развития. Восстания крестьян и городских низов трактовались им не как хаотические мятежи, а как осмысленные формы социальной борьбы, приведшие к распаду феодальной формации и подготовившие переход к капитализму [5; 6].

Такое понимание французской истории вступало в противоречие с академическим мейнстримом не только на Западе, но и в СССР. Поршнев отказывался ограничивать исторический процесс рамками «производственных отношений», вводя в анализ психологический

¹ Манфред А. З. Великая французская революция XVIII века. М.: Госполитиздат, 1956. 284 с.; Манфред А. З. Марат. М.: Молодая гвардия, 1962. 352 с.; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1971. 724 с.; Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М.: Мысль, 1978. 440 с.

² Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М., Л.: АН СССР, 1948. 724 с.

и культурный факторы: первоначальные формы массового сознания, настроения, коллективные аффекты, что стало основой его последующих идей палеопсихологии. В результате советский историк из «областного вуза» вступил в прямую научную полемику с ведущими французскими медиевистами, прежде всего с Р. Мунье, видевшим во Франции XVII в. «общество порядка», где определяющим был не конфликт классов, а иерархия статусов. Французские учёные в целом отвергали его марксистскую интерпретацию, но признавали научную мощь аргументации, что выразилось в избрании Поршнева почётным доктором Клермон-Ферранского университета. Полемика Поршнев–Мунье вошла в учебники по истории французской историографии как один из центральных эпизодов советско-французских научных контактов [7].

Парадоксальным образом наиболее острая критика его концепции последовала не из-за рубежа, а изнутри советской науки. После присуждения ему Сталинской премии в 1950 г. развернулась широкая дискуссия, в ходе которой Поршнева обвиняли в «идеализме», «подмене факта концепцией» и «психологизации истории». Крупнейшие медиевисты, включая академика С. Д. Сказкина, оспаривали его тезисы о ведущей роли народных движений. Однако Поршнев не отступил от методологических позиций и, отвечая на критику, углубил анализ категорий социально-экономических формаций [8].

Несмотря на давление, Поршнев сохранял верность идее научной автономии. По воспоминаниям коллег, атмосфера МОПИ отличалась большей внутренней свободой, чем в столичных университетах. Именно здесь Поршнев мог позволить себе рассуждать о психологических предпосылках исторических действий, о роли мифа, религии и архетипов в формировании коллективного поведения.

Междисциплинарность его мышления получила наиболее радикальное

выражение в разработке концепции палеопсихологии – учения о становлении сознания человека и социальных отношений на ранних стадиях антропогенеза. Ещё в годы работы в МОПИ он начал собирать материал для будущей книги «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)», опубликованной уже посмертно в 1974 г.¹ Сочетая исторический и биологический подходы, Поршнев утверждал, что переход от животного к человеку связан не столько с трудом, сколько с возникновением контрсуггестии – способности противостоять гипнотическому воздействию внутри рода. Именно речь как форма контрсуггестивной реакции становилась у него источником мышления и сознания.

В 1940-х гг. в МОПИ Борис Фёдорович занимал руководящие должности заведующего кафедрами Древнего мира и Средних веков, затем Новой истории, а позднее объединённой кафедрой истории². Институт стал тем пространством, где его идеи получили развитие и поддержку, несмотря на идеологические риски. В то время как многие университеты стремились к осторожности, МОПИ оказался площадкой, позволившей учёному реализовать творческую свободу.

Историческая наука МОПИ в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война создала беспрецедентный общественный запрос на патриотический исторический нарратив. История в этот период стала не только предметом научного изучения, но и инструментом духовной мобилизации народа. Возникла потребность обращения к героическим страницам прошлого, в утверждении образов национального единства и исторической преемственности. Для историков Московского областного педагогического института это

¹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974. 487 с.

² ЦГАМО. Ф. 7689. Оп. 1. Д. 12. Л. 217.

означало необходимость осмысления истории в категориях подвига, сопротивления и ответственности перед страной.

Даже в тяжёлые военные годы МОПИ не прекращал научную деятельность. В эвакуации, в г. Малмыже Кировской области, продолжали работать преподаватели, аспиранты и студенты, сохраняя преемственность исследовательской традиции. Научные кружки в рамках студенческого научного общества проводили заседания и готовили доклады, преимущественно посвящённые героическим страницам отечественной истории и борьбе народов России с иноземными захватчиками¹.

Интегральной темой научной работы профессорско-преподавательского состава, как отмечал в радиовыступлении доцент И. И. Огрызко, стало формирование чувства патриотизма и национальной гордости, разоблачение фашистской идеологии и утверждение исторических примеров народного мужества². В этих условиях объединялись представители разных направлений: и сторонники государственно-патриотической линии, и приверженцы универсалистских взглядов.

Особое место занимала работа историков. Борис Фёдорович Поршнев подготовил в эти годы статью о международном значении победы Александра Невского над рыцарями-крестоносцами, а также начал труд «Россия в системе государств», в котором обращался к теме исторической субъектности России. Из архивных документов следует, что Поршнев был причислен к коллективу института в 1942–1943 гг., вероятно, временно сотрудничая с МОПИ из Казанского университета.

Альберт Захарович Манфред в годы войны завершил и сдал в печать монографию «Ленин и Сталин о германском империализме», отражавшую идеологическую линию противостояния фашизму и исследовавшую генезис германской

экспансии через призму ленинской концепции империализма. Его лекции и научные работы периода войны были проникнуты патриотическим содержанием и служили формированию исторического сознания учащихся.

Даже в условиях ограниченных ресурсов институт организовывал научные мероприятия. Были проведены конференции «Наука против фашизма», «25 лет советской науки», «Методика работы семинара и практикума». Материалы первой конференции были опубликованы в «Учёных записках МОПИ». В них участвовали не только преподаватели, но и учителя, представители партийного актива Малмыжа, что придавало этим мероприятиям общегосударственное звучание³.

В письме директора института Н. Н. Надеждина секретарю Кировского обкома ВКП(б) Л. С. Гордону подчёркивалась политическая значимость публикации сборника «Наука против фашизма», объединявшего статьи преподавателей и студентов института⁴. Тем самым даже в условиях фронтового времени МОПИ сохранял статус научного центра, в котором историческая наука оставалась важнейшим инструментом воспитания гражданственности и укрепления национального самосознания.

Заключение

История исторической школы Московского областного педагогического института 1930–1950-х гг. представляет собой уникальный пример формирования научного сообщества, в котором органично соединились патриотическая идея, высокая научная культура и внутреннее методологическое разнообразие. В условиях идеологических трансформаций и политических перемен именно в МОПИ удалось выстроить особую интеллектуальную среду, где государствен-

¹ ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 17. Л. 141.

² ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 17. Л. 141 об.

³ ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 17. Л. 142–142 об.

⁴ ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 17. Л. 92–92 об.

нический и универсалистский подходы не подавляли, а дополняли друг друга, задавая широту горизонта исторического мышления.

Заложенная в эти годы традиция истолкования истории как пространства духовного опыта и служения отечеству стала основанием будущей патриотической школы отечественной историографии. Для преподавателей и исследователей института история никогда не была отвлечённой наукой о прошлом: она понималась как форма гражданского сознания, как средство воспитания ответственности перед Родиной. В этом заключался её центральный педагогический и мировоззренческий смысл.

Московскому областному педагогическому институту принадлежала ключевая роль в выработке новой версии государственнической, россиецентричной истории, ставшей интеллектуальным основанием советской историографической школы середины XX в. Именно здесь, раньше, чем в ведущих академических центрах, была сформулирована и апробирована модель исторического знания, в которой Россия рассматривалась не как объект внешних влияний, а как самостоятельный субъект мировой истории. В стенах МОПИ происходило становление государственно-патриотической оптики исторического анализа, сочетавшей марксистскую методологию с признанием преемственности национального опыта. Этот синтез стал основой для новой парадигмы преподавания истории, в которой подлинная научность сочеталась с воспитанием гражданственности и национального самосознания.

Патриотическая линия, восходившая к курсам и книгам Н. Л. Рубинштейна, к археологическому и историко-культурному синтезу Б. А. Рыбакова, к государственно-политическим интерпретациям П. А. Зайончковского и к гуманистическому универсализму А. З. Манфреда, оформилась в устойчивую систему взглядов, определившую лицо факультета на

десятилетия вперёд. Именно в этой среде получил поддержку и свободное развитие творческий поиск Б. Ф. Поршнева, выдвинувшего собственную концепцию макроисторического развития человечества. Разнообразие методологических стратегий не разрушало общности, а, напротив, обеспечивало живое научное движение и внутренний диалог школы.

Сравнение этих направлений показывает, что уже в 1930–1950-е гг. в МОПИ складывалась интегральная модель исторического знания, в которой сочетались 3 условных направления:

- *государственно-патриотическое* – акцент на преемственности и героических страницах российской истории;
- *универсалистско-гуманистическое* – стремление вписать национальный опыт в контекст всемирного развития человечества;
- *синтетическое* – поиски новых форм теоретического осмысления исторического процесса, соединяющих социальное, культурное и психологическое измерения.

Тем самым формировалась школа, способная к внутренней рефлексии, к выработке собственных исследовательских стандартов, независимых от конъюнктуры. Для советского времени это было явлением редким и значимым. В стенах педагогического вуза, ориентированного прежде всего на подготовку учителей, возникло центрообразующее ядро советской историографической культуры, откуда вышли исследователи, сыгравшие ключевую роль в развитии отечественной науки.

Современная ситуация с её обращением к идее суверенной истории и к патриотическому освещению прошлого закономерно возвращает исследователей к опыту этой школы.

Историческая школа МОПИ, впоследствии факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения, доказала, что патриотизм

сопряжён с научностью. При этом он не исключает высокой академической свободы и методологического поиска.

Развитие на факультете истории, политологии и права цивилизационного подхода, взгляда на Россию как государство-цивилизацию, а также деятельность патриотического лектората имеют свои истоки в традициях, заложенных ещё при создании Московского областного педагогического института [9]. Именно в те

годы была сформирована научная и воспитательная линия, соединявшая историческую достоверность с государственным и патриотическим мировоззрением. Современный факультет, сохраняя преемственность, развивает эти основания, продолжая миссию подготовки специалистов, для которых историческая наука служит не только исследованием прошлого, но и формой осмысления цивилизационного пути России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Нациестроительство или империе-строительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1. С. 47–50.
2. Багдасарян В. Э. Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт, 2013. 344 с.
3. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: в 2 ч. / под ред. Б. Грекова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1939–1940. 1013 с.
4. Тихонов В. В. Н. Л. Рубинштейн – преподаватель Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 69–73.
5. Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма // Французский ежегодник. 2005. Т. 2005. С. 76–95.
6. Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршнев и дискуссия об абсолютизме в Институте истории АН СССР (1940) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 240–247.
7. Жуо К. История народного бунта в повествовании Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье // Французский ежегодник. 2007. Т. 2007. С. 57–70.
8. Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) // Французский ежегодник. 2007. Т. 2007. С. 34–54.
9. Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко С. П.) Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль, 2022. 256 с.

REFERENCES

1. Baghdasaryan, V. E. (2014). Nation-building or empire-building: a fork in approaches. In: *Problem analysis and public-management design*, 7-1, 47–50 (in Russ.).
2. Baghdasaryan, V. E. (2013). *Superiority, appropriation, inequality*. Moscow, Scientific expert Publ. (in Russ.).
3. Grekov B., ed. (1939–1940). *Against the anti-Marxist concept of M.N. Pokrovsky. 2 parts*. Moscow-Leningrad: Acad. Sciences of the USSR Publ. (in Russ.).
4. Tikhonov, V. V. (2011). N. L. Rubinstein – teacher of the Moscow Regional Pedagogical Institute of N. K. Krupskaya. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 3, 69–73 (in Russ.).
5. Kondratyev, S. V. & Kondratyeva, T. N. (2005). B. F. Porshnev – interpreter of French absolutism. In: *French yearbook*, 2005, 76–95 (in Russ.).
6. Kondratyeva, T. N. (2009). B. F. Porshnev and discussion on absolutism at the Institute of History of the Academy of Sciences CCCP (1940). In: *Izvestia of the Ural State University. Series 2: Humanities*, 3, 240–247 (in Russ.).
7. Zhuo, K. (2007). The history of popular rebellion in the narrative of B.F. Porshnev and R. Mounier. In: *French yearbook*, 2007, 57–70 (in Russ.).
8. Kondratyev, S. V. & Kondratyeva, T. N. (2007). B. F. Porshnev in the discussion on the role of the class struggle in history (1948–1953). In: *French yearbook*, 2007, 34–54 (in Russ.).
9. Baghdasaryan, V. E. & Sylvester, arch. (Lukashenko, S. P.). (2022). *Traditional values: strategy of civilizational revival*. Yaroslavl (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куренкова Евгения Алексеевна (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru; ORCID: 0000-0001-9697-953X

Бруз Владимир Виленович (г. Москва) – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственной и муниципальной службы экономического факультета Государственного университета просвещения;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Фукус Александр Николаевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9726-7696

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya A. Kurenkova (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru; ORCID: 0000-0001-9697-953X

Vladimir V. Bruz (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public and Municipal Service of the Faculty of Economics, Federal State University of Education;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Alexander N. Fuks (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9726-7696